Teternikov, Fedor Kuz'mich
Kniga skazok

КНИГА СКАЗОКЪ

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

К^во ГРИФЪ

Teternikov, Fedor Kuz'mich

Kniga skazok

Ѳ. Сологубъ.

Книга Сказокъ.

КНИГО
ИЗДА
ТЕЛЬСТВО
ГРИФЪ
МОСКВА
1905 ГОДЪ.

Дозволено цензурою. Москва, 3 сентября 1904 г.

МОСКВА.
Т-во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтык. пер., д. № 9.
1905.

КНИГА СКАЗОКЪ.

Ворона.

сказочка.

1.

Летѣла ворона. Видитъ мужика и спрашиваетъ:

— Мужикъ, а мужикъ?

— Чего тебѣ? — говоритъ мужикъ.

— Воронъ считать умѣешь?

— Ишь ты, какая затѣйная, чего захотѣла, — проваливай по добру по здорову.

Полетѣла ворона, встрѣтила купца, спросила:

— Купецъ, воронъ считать умѣешь?

А купецъ говоритъ:

— Намъ такими пустяками не приходится заниматься, — наше дѣло торговое.

Полетѣла ворона, встрѣтила гимназиста, самаго маленькаго изъ всей гимназіи, и спрашиваетъ:

— Гимназистъ, воронъ считать умѣешь?

А онъ и говоритъ:

— Я все считать умѣю, я до милліона умѣю считать и даже больше. Я Малинина и Буренина училъ.

А ворона ему въ отвѣтъ:

— А вотъ воронъ не сосчитаешь.

— А нѣтъ, сосчитаю, — говоритъ гимназистъ.

И сталъ считать:

— Одна, двѣ, три...

А ворона тутъ влетѣла ему въ ротъ и укусила его за языкъ. Заплакалъ гимназистъ, и говоритъ:

— Никогда впередъ не буду васъ, воронъ, считать, — коли кусаетесь, такъ и живите такъ, несчитанныя.

Лягушка.

СКАЗОЧКА. 2.

Встрѣтились двѣ лягушки,— одна постарше, другая помоложе. Вотъ старшая и спрашиваетъ:

— А ты по всякому квакать умѣешь?

А младшая отвѣчаетъ:

— Вотъ еще, конечно, по всякому.

— Ну, поквакай, — говоритъ старшая.

Стала квакать маленькая лягушка:

— Ква, ква-ква!

На разные лады старается. А старшая говоритъ:

— Да ты только по-русски квакаешь.

— А то какъ же иначе? — спрашиваетъ маленькая.

— А вотъ, — говоритъ старшая, — по-французски ты и не умѣешь.

А маленькая и говоритъ:

— По французски никто не квакаетъ.

— Нѣтъ, квакаютъ,— сказала большая.

— Ну, какъ по-французски квакаютъ?— спросила маленькая, — квакни, коли знаешь.

— А вотъ какъ, — и большая стала квакать: квю-квю-квю!

— Такъ-то и я умѣю,— говоритъ маленькая.

— Поквакай, коли умѣешь,— сказала большая.

Маленькая и заквакала:

— Кви, кви, кви.

А старшая засмѣялась, и говоритъ:

— Такъ это ты „кви" по-нѣмецки квакаешь, а по-французски надо квакать „квю".

Маленькая какъ ни старалась, ни за что не могла квакнуть „квю". Заплакала, наконецъ, да и говоритъ:

— Русскія лягушки лучше французскихъ квакаютъ,— понятнѣе.

Обидчики.

Сказочка. 3.

Мальчикъ съ пальчикъ встрѣтилъ мальчика съ ноготокъ и поколотилъ его. Стоитъ мальчикъ съ ноготокъ и жалобно пищитъ.

Увидѣлъ это мальчикъ съ два пальчика, и прибилъ мальчика съ пальчикъ,— не дерись! — говоритъ. Заверещалъ мальчикъ съ пальчикъ.

Идетъ мальчикъ съ локотокъ, и спрашиваетъ:

— Мальчикъ съ пальчикъ, о чемъ ты плачешь?

— Гы-гы! мальчикъ съ два пальчика меня оттаскалъ,— говоритъ мальчикъ съ пальчикъ.

Догналъ мальчикъ съ локотокъ мальчика съ два пальчика, и больно прибилъ

его, — не обижай, — говоритъ, — маленькихъ!

Заплакалъ мальчикъ съ два пальчика, и побѣжалъ жаловаться мальчику приготовишкѣ. Приготовишка сказалъ: я его вздую! — и вздулъ мальчика съ локотокъ. А приготовишку за это поколотилъ второклассникъ.

За приготовишку заступилась его мама, и оттаскала второклассника.

Закричалъ второклассникъ, — прибѣжалъ его папа, прибилъ приготовишкину маму. Пришелъ городовой, и свелъ второклассникова папу въ участокъ.

Тутъ сказка и кончилась.

Злой мальчикъ и Тихій мальчикъ.

СКАЗОЧКА. 4.

Жилъ-былъ Злой мальчикъ.

У него были двѣ тети: умная тетя и добрая тетя.

Когда Злой мальчикъ чего не пойметъ, то онъ бѣжитъ къ умной тетѣ,— та объясняетъ; когда Злой мальчикъ нашалитъ, то онъ бѣжитъ къ доброй тетѣ,— та укрываетъ.

Вотъ сидѣлъ разъ Злой мальчикъ съ умной тетей. Шелъ мимо Тихій мальчикъ.

Сказала умная тетя Злому мальчику:

— Бѣги скорѣй, куси Тихаго мальчика за ногу.

Обрадовался Злой мальчикъ. Онъ побѣжалъ. Но онъ былъ трусъ. Добѣжалъ до Тихаго мальчика,—не смѣетъ кусить.

Вотъ Злой мальчикъ нагнулся, кусилъ себя за ногу, и побѣжалъ къ доброй тетѣ, а самъ кричитъ да плачетъ:

— Добрая тетя, меня кусилъ скверный мальчишка — Тихій мальчикъ.

Добрая тетя повѣрила и сказала:

— Приведите негоднаго Тихаго мальчика.

Привели. Добрая тетя говоритъ:

— Ай-ай-ай! негодный мальчишка Тихій мальчикъ, какъ ты смѣешь кусаться? Добрые мальчики никогда не кусаются.

Тихій мальчикъ заплакалъ и сказалъ:

— Я никогда не буду кусаться.

И его поставили въ уголъ, а Злого мальчика погладили по головкѣ.

Такъ-то часто бываетъ.

Заплатки.

Сказочка. 5.

Лазалъ Вася на березу, разорвалъ курточку.

Мама нашила на курточку заплатки, и сказала Васѣ:

— Шалуны всегда съ заплатками ходятъ.

Пришелъ вечеромъ дядя. Онъ былъ въ очкахъ.

Поглядѣлъ на него Вася, да и говоритъ:

— Мама, а мама! дядя-то у насъ — шалунъ: у него на глазахъ заплатки.

Плѣненная смерть.

Сказочка. 6.

Въ старые годы жилъ храбрый и непобѣдимый рыцарь.

Случилось ему однажды плѣнить самое смерть.

Привезъ онъ ее въ свой крѣпкій замокъ, и посадилъ въ темницу.

Смерть ничего, сидитъ себѣ, — а люди перестали умирать.

Рыцарь радуется, и думаетъ:

— Теперь хорошо, да безпокойно, стеречь ее надо. Лучше совсѣмъ бы ее истребить.

Только рыцарь справедливый былъ, — не могъ умертвить ее безъ суда.

Вотъ онъ пришелъ къ темницѣ, сталъ у окошечка, и говоритъ:

— Смерть, я тебѣ голову срубить хочу, — много ты зла на свѣтѣ надѣлала.

Но смерть молчитъ себѣ.

Рыцарь и говоритъ:

— Вотъ, даю тебѣ сроку, — защищайся, коли можешь. Что ты скажешь въ свое оправданіе?

А смерть отвѣчаетъ:

— Я-то тебѣ пока ничего не скажу, а вотъ пусть жизнь поговоритъ за меня.

И увидѣлъ рыцарь, — стоитъ возлѣ него жизнь, бабища дебелая и румяная, но безобразная.

И стала она говорить такія скверныя и нечестивыя слова, что затрепеталъ храбрый и непобѣдимый рыцарь и поспѣшилъ отворить темницу.

Пошла смерть, — и опять умирали люди. Умеръ въ свой срокъ и рыцарь, — и никому на землѣ никогда не сказалъ онъ того, что слышалъ отъ жизни, бабищи безобразной и нечестивой.

Нѣжный мальчикъ.

Жилъ нѣжный мальчикъ.

На него съ самаго начала надѣли стеклянный колоколъ, чтобъ мухи его не обижали.

Такъ все и жилъ мальчикъ въ колоколѣ.

Вотъ видитъ мальчикъ — береза шатается. А онъ не зналъ, что это отъ вѣтра, —не зналъ вѣтра нѣжный мальчикъ.

Онъ и сказалъ березѣ:

— Глупая береза, не шатайся, сломаешься.

Пересталъ дуть вѣтеръ, и береза не шаталась.

А нѣжный мальчикъ обрадовался, и сказалъ:

— Вотъ и умница, что послушалась.

Глаза.

СКАЗОЧКА. 8.

Были глаза, черные, прекрасные. Взглянутъ, и смотрятъ, и спрашиваютъ.

И были глазенки, сѣрые, плутоватые — все шмыгаютъ, ни на кого прямо не смотрятъ.

Спросили глаза:

— Что вы бѣгаете? чего ищете?

Забѣгали глазенки, засуетились, говорятъ:

— Да такъ себѣ, понемножечку, по легонечку, — нельзя, помилуйте, — надо же, сами знаете.

И были глядѣлки, — тусклыя, нахальныя. Уставятся и глядятъ.

Спросили глаза:

— Что вы смотрите? что видите?

Скосились глядѣлки, закричали:

— Да какъ вы смѣете? да кто вы! да кто мы? да мы васъ!

Искали глаза глазъ такихъ же прекрасныхъ, не нашли, и сомкнулись.

Пѣсенки.

СКАЗОЧКА. 9.

Съ виду онъ былъ такъ себѣ, забулдыга,—шлялся по улицамъ и дорогамъ, засиживался въ кабачкахъ, засматривался на веселыхъ дѣвицъ, и ничего не было у него сбережено, а потому и почетъ ему былъ маленькій.

Только иногда выйдетъ онъ на перекрестокъ и запоетъ,—и такія слова онъ зналъ, что все ему тогда окликалось,—и птицы въ лѣсу, и вѣтеръ въ полѣ, и волны въ морѣ.

А собачка пустолаечка говорила:

— Плохо, плохо! все это пустяки.

А хитрая лисичка говорила:

— Плохо, плохо! Это онъ все о земномъ, а Бога то и позабылъ.

Ну, что жъ такое! За то все живое ему окликалось: и птицы лѣсныя, и волны морскія, и рыскучіе вѣтры.

Та самая.

СКАЗОЧКА. 10.

Шелъ поѣздъ, и шелъ все въ одну сторону. И былъ тамъ пассажиръ, который долженъ былъ вытти на той самой станціи, гдѣ ждали его лошади и друзья.

Пассажиръ былъ нетерпѣливый, на каждой станціи выходилъ и спрашивалъ:

— Это — та самая станція?..

А ему отвѣчали:

— Нѣтъ, еще не та.

И наконецъ онъ заснулъ въ вагонѣ. Спалъ долго, видѣлъ очень пріятные сны.

Вдругъ проснулся, а поѣздъ стоитъ. Пассажиръ побѣжалъ на платформу, спрашиваетъ:

— Это — та самая станція?

А ему отвѣчають:

— Нѣтъ, уже не та.

И скоро поѣздъ пошелъ дальше, а пассажиръ сидѣлъ въ вагонѣ, и плакалъ.

Двѣ свѣчки, одна свѣчка, три свѣчки.

СКАЗОЧКА. 11.

Горѣли двѣ бѣлыя свѣчки и еще много лампъ по стѣнамъ. Читалъ человѣкъ по тетрадкѣ, а другіе молчали и слушали.

Огни дрожали. Свѣчки тоже слушали,—имъ нравилось, но ихъ потрясало,—оттого-то и дрожали огни.

Человѣкъ кончилъ. Задули свѣчи. Ушли.

Все равно.

Горѣла одна сѣрая свѣчка. Сидѣла швея и шила. Ребенокъ спалъ и кашлялъ во снѣ. Отъ стѣны дуло. Свѣчка плакала бѣлыми, тяжелыми слезами. Слезы текли и застывали. Стало свѣтать. Швея съ красными глазами все шила. Задула свѣчу. Шила.

Все равно.

Горѣли три желтыя свѣчки. Лежалъ человѣкъ въ ящикѣ, — желтый и холодный. Читалъ другой по книгѣ. Женщина плакала. Свѣчки замирали отъ страха и отъ жалости. Пришла толпа. Пѣли, кадили. Понесли ящикъ. Свѣчи задули. Ушли.

Все равно.

Они.

СКАЗОЧКА. 12.

Мы могли бы их увидѣть, если бы захотѣли, хотя они совсѣмъ не такіе, какъ мы, и почти не замѣчаютъ насъ. И что имъ до насъ!

Одинъ разъ я увидѣлъ его.

Былъ вечеръ, и я былъ вмѣстѣ съ моею тоскою въ безмолвныхъ объятіяхъ моихъ стѣнъ.

Минуты горѣли, потому что я не умѣлъ еще погасить сожигающаго ихъ пламени.

И мечта моя билась въ изнеможеніи на желтыхъ и блестящихъ доскахъ моего пола.

Предметы предстояли мнѣ, и я имъ вѣрилъ.

И было краткое мгновеніе...

О, если бы я умѣлъ найти слова о немъ!

Все призрачное‘ все привычное озарилось его свѣтомъ, отошло отъ моего вниманія, — и на меня упалъ его несказанный взоръ.

И отвѣчая на мой ужасъ, онъ сказалъ мнѣ только:

— Не бойся.

И опять настало время, и предметы снова очаровали меня.

Будущіе.

СКАЗОЧКА. 13.

Никто не знаетъ, что будетъ.

Но есть мѣсто, гдѣ будущее просвѣчиваетъ сквозь лазурную ткань желанія. Это мѣсто, гдѣ покоятся еще нерожденные. Тамъ отрадно, покойно, свѣжо. Нѣтъ печали, и вмѣсто воздуха разлита атмосфера чистой радости, въ которой легко дышется нерожденнымъ.

И никто не уходитъ изъ этой страны, пока не захочетъ.

Были тамъ четыре души, которыя въ одинъ и тотъ же мигъ захотѣли родиться на нашей землѣ.

И въ лазурномъ туманѣ желаній явились имъ наши четыре стихіи.

И сказалъ одинъ изъ будущихъ:

— Я люблю землю, мягкую, теплую, твердую:

И другой:

— Я люблю воду, вѣчно падающую, прохладную, прозрачную.

И третій:

— Я люблю огонь, веселый, свѣтлый, очищающій.

И четвертый:

— Я люблю воздухъ, стремящійся вширь и ввысь, легкій воздухъ жизни.

И такъ сбылось.

Сталъ первый рудокопомъ, — и на работѣ обвалилась шахта, и засыпала его.

И второй лилъ слезы, какъ воду, и наконецъ утопился.

И третій сгорѣлъ въ пылающемъ домѣ.

И четвертаго повѣсили.

Невинныя, чистыя стихіи... Неразуміе хотящихъ...

О, отрадное мѣсто небытія, зачѣмъ изъ тебя уводитъ Воля?

Мухоморъ въ начальникахъ.

Сказочка. 14.

Жилъ на свѣтѣ мухоморъ.

Онъ былъ хитрый и зналъ, какъ устроиться получше: поступилъ въ чиновники, служилъ долго, и сдѣлался начальникомъ.

Люди знали, что онъ не человѣкъ, а просто старый грибъ, да и то поганый, но должны были его слушаться.

Мухоморъ ворчалъ, брюзжалъ, злился, брызгалъ слюной и портилъ всѣ бумаги.

Вотъ одинъ разъ случилось, когда мухоморъ выходилъ изъ своей кареты, подбѣжалъ къ тому мѣсту босой мальчишка, и закричалъ:

— Батюшки, какой большой мухоморъ, да какой поганый!

Городовой хотѣлъ дать ему подзатыльника, да промахнулся.

А босой мальчишка схватилъ мухомора и такъ швырнулъ его въ стѣну, что мухоморъ тутъ и разсыпался.

Босого мальчишку высѣкли, — нельзя же прощать такія шалости, — а только всѣ въ томъ городѣ были очень рады.

И даже одинъ глупый человѣкъ далъ босому мальчишкѣ на пряники.

Два стекла.

СКАЗОЧКА. 15.

Одно стекло увеличивало, другое — уменьшало.

И первое стояло надъ каплей воды и говорило другому стеклу:

— Страшныя, большія существа носятся и пожираютъ другъ друга.

Другое смотрѣло на улицу и говорило:

— Маленькіе человѣчки мирно бесѣдуютъ, и проходятъ, все проходятъ...

Первое сказало:

— Мои остаются. Боюсь, что доберутся они и до человѣчковъ.

Но второе сказало:

— Человѣчки уйдутъ...

Палочка.

СКАЗОЧКА. 16.

Есть такая чудесная палочка на свѣтѣ,— къ чему ею ни коснись, все тотчасъ дѣлается сномъ, и пропадетъ.

Вотъ если тебѣ не нравится твоя жизнь, возьми палочку, прижми ее концомъ къ своей головѣ,—и вдругъ увидишь, что все было сонъ, и станешь опять жить сначала и совсѣмъ по новому.

А что было раньше, въ этомъ снѣ, про все вовсе забудешь.

Вотъ какая есть чудесная на свѣтѣ палочка.

Сказки на грядкахъ и сказки во дворцѣ.

Былъ садъ, гдѣ на грядкахъ вдоль дорожекъ росли сказки.

Разныя тамъ росли сказки, бѣлыя, красныя, синія, лиловыя, желтыя, — иныя сказки пахли сладко, другія хоть и не пахли, да за то были очень красивыя.

Былъ сынишка у садовника; онъ каждое утро подолгу любовался этими сказками.

Онъ вызналъ ихъ всѣ, и часто разсказывалъ своимъ товарищамъ на улицѣ: въ этотъ садъ простыхъ дѣтей не пускали, потому что это былъ садъ великой царицы.

Разсказали дѣти про сказки на грядкахъ своимъ мамкамъ да тятькамъ, тѣ

своимъ знакомымъ, — дальше, больше. Узнала и царица, что у нея въ саду растутъ сказки. Она захотѣла ихъ увидѣть.

И вотъ одинъ разъ утромъ садовникъ нарѣзалъ много сказокъ, собралъ ихъ въ красивый и пышный букетъ, и послалъ во дворецъ.

Плакалъ садовниковъ сынишка, зачѣмъ рѣжутъ сказки, да его не слушали.

Мало-ли кто о чемъ заплачетъ!

Увидѣла царица сказки, удивилась и сказала:

— Что же въ нихъ интереснаго? Какія это сказки? Это самые простые цвѣты.

И выбросили на дворъ бѣдныя сказки, а сынишку садовника больно высѣкли, чтобы не говорилъ глупостей.

Дорога и свѣтъ.

Сказочка. 18.

Шли съ возами люди по длинной степной дорогѣ, и только звѣзды озаряли имъ путь.

Ночь была долгая, и привыкли глаза ихъ къ мраку, и различали они всѣ неровности и повороты пути.

Но дологъ былъ путь, и скучно стало юному путнику.

Онъ сказалъ:

— Надо зажечь побольше фонарей и освѣтить дорогу, и скорѣе пойдутъ лошади, и мы скорѣе достигнемъ цѣли.

Повѣрили ему люди, зажгли фонари, и, — мало имъ было того, — наломали вѣтвей, надѣлали факеловъ, разложили костры, много заботились объ освѣщенiи пути.

Лошади стали, — ничего, думали путники, — догонимъ послѣ.

И озарились яснымъ свѣтомъ окрестности, а звѣзды померкли, и увидѣли путники, что ихъ путь не единственный: многія отдѣлялись отъ него тропы и дороги, и каждая тропа и дорога казалась кому-нибудь самою короткою.

Перессорились попутчики и разбрелись, и солнце застанетъ ихъ на разныхъ дорогахъ и далеко отъ цѣли.

Благоуханное имя.

СКАЗОЧКА. 19.

Когда одна дѣвочка была больна, то Богъ велѣлъ ангелу итти и плясать передъ нею, чтобы забавить ее.

Ангелъ подумалъ, что неприлично ангеламъ плясать передъ людьми.

И въ ту же минуту Богъ узналъ, что онъ думаетъ и наказалъ ангела,—и ангелъ сталъ маленькой дѣвочкой, только что родившеюся царевною, и забылъ про небо, и про все, что было, и забылъ даже свое имя.

А имя у ангела было благоуханное и чистое, — у людей не бываетъ такихъ именъ. И положили на бѣднаго ангела тяжелое человѣческое имя,—и стали звать царевну Маргаритой.

Царевна выросла.

Но она часто задумывалась,—ей хотѣлось вспомнить что-то, и она не знала, что, и ей было тоскливо и скучно.

И однажды она спросила у своего отца:

— Отчего солнце свѣтитъ молча?

Отецъ засмѣялся, и ничего не отвѣтилъ ей.

И опечалилась царевна.

Другой разъ она сказала матери:

— Сладко пахнутъ розы, отчего же запаха не видно?

И засмѣялась мать, и опечалилась царевна.

И спросила она у своей няньки:

— Отчего не пахнутъ ничѣмъ имена?

И засмѣялась старая, и опечалилась царевна.

Стали говорить въ той странѣ, что у царя дочка растетъ глупая.

И было много заботы царю, сдѣлать такъ, чтобы царевна была, какъ всѣ.

Но она все задумывалась, и спрашивала о ненужномъ и странномъ.

И блѣднѣла и чахла царевна, и стали говорить, что некрасивая она.

Пріѣзжали молодые принцы, но поговорятъ съ нею, и не хотятъ брать ее въ жены.

Пріѣхалъ принцъ Максимиліанъ. Сказала ему царевна:

— У людей все отдѣльно: слова только звучатъ, и цвѣты только пахнутъ, — и все такъ. Скучно мнѣ.

— Чего же ты хочешь? — спросилъ Максимиліанъ.

Задумалась царевна, и долго думала, и сказала:

— Я хочу, чтобы у меня было благоуханное имя.

И Максимиліанъ сказалъ ей:

— Ты стоишь того, чтобы носить благоуханное имя, и нехорошо, что ты Маргарита, — но у людей нѣтъ для тебя имени.

И заплакала царевна. И пожалѣлъ ее Максимиліанъ, и полюбилъ ее больше всего на свѣтѣ.

И онъ сказалъ ей:

— Не плачь, я найду то, чего ты хочешь.

Улыбнулась царевна, и сказала ему:

— Если ты найдешь мнѣ благоуханное имя, то я буду цѣловать твое стремя.

И покраснѣла, потому что она была гордая.

И сказалъ Максимиліанъ:

— Ты будешь тогда моею женою?

— Да, если ты захочешь, — отвѣтила ему царевна.

Поѣхалъ Максимиліанъ искать благоуханнаго имени. Объѣздилъ всю землю, спрашивалъ ученыхъ людей и простыхъ, — и вездѣ смѣялись надъ нимъ.

И когда былъ онъ опять недалеко отъ того города, гдѣ жила его царевна, увидѣлъ онъ бѣдную избу и бѣлаго старика на порогѣ. И подумалъ Максимиліанъ: „старикъ знаетъ“.

Разсказалъ принцъ бѣлому старику, чего онъ ищетъ. И обрадовался старикъ, засмѣялся и сказалъ:

— Есть, есть такое имя, духовитое имя, — самъ-то я не знаю, а внучка слышала.

Вошелъ Максимиліанъ въ избу и увидѣлъ больную дѣвочку.

И сказалъ ей старикъ:

— Донюшка, вотъ барину надо знать духовитое имя, вспомни, милая.

Обрадовалась дѣвочка, засмѣялась, но благоуханнаго имени вспомнить не могла.

И сказала она, что во снѣ видѣла ан-

гела, который плясалъ передъ нею и былъ весь разноцвѣтный.

И ангелъ сказалъ ей, что днемъ скоро придетъ къ ней въ избу другой ангелъ и будетъ плясать и свѣтить разными огнями еще лучше, и назвалъ имя того ангела, и отъ того имени пролился ароматъ, стало радостно. Сказала дѣвочка:

— Весело мнѣ думать объ этомъ, а вспомнить имени не могу. А если бы вспомнила и сказала, то выздоровѣла бы сейчасъ. Но онъ придетъ скоро.

Максимиліанъ поѣхалъ къ своей царевнѣ и привезъ ее въ избу.

И когда царевна увидѣла бѣдную избу и больную дѣвочку, то ей стало очень жалко,—и стала она ласкать дѣвочку и забавлять ее.

Потомъ отошла на середину избы и стала кружиться и плясать, ударяя въ ладоши и напѣвая.

И увидѣла дѣвочка много свѣта, и услышала много звуковъ, и обрадовалась, и засмѣялась, и вспомнила имя ангела, и громко сказала его.

И вся изба наполнилась благоуханіемъ.

И тогда вспомнила царевна свое имя,

и зачѣмъ ее посылали на землю, и радостно вернулась домой.

И дѣвочка выздоровѣла, и царевна вышла за Максимиліана замужъ, и въ свое время, поживъ на землѣ довольно, вернулась на свою родину, къ вѣчному Богу.

Кукушкинъ флиртъ.

СКАЗОЧКА. 20.

У одной Кукушки птенцы воспитывались на казенный счетъ въ Воздушномъ кадетскомъ корпусѣ, а сама Кукушка занималась флиртомъ, съ тремя птенцами разомъ: Дятломъ, Филиномъ и Дроздомъ.

Дятелъ былъ настойчивъ и положителенъ, Филинъ—солиденъ, и онъ любилъ уединенную жизнь и ночныя поэтическія прогулки; оба были скромные.

Дроздъ же блисталъ свѣтскими талантами, былъ тщеславенъ, завидовалъ Соловью, любилъ прихвастнуть, — и расщелкалъ про свои любовныя похожденія. Положимъ, по секрету,—компаніи моло-

дыхъ Воробьевъ, но тѣ разболтали по всему лѣсу.

Всѣ птицы были возмущены такимъ безстыднымъ поведенiемъ Кукушки и рѣшили съ нею не кланяться.

Тогда Кукушка прилетѣла къ старому Воробью, призналась ему въ любви и сказала:

— А съ тѣми тремя я занимаюсь такъ только, для отвода глазъ, чтобы ваша старая Воробьиха не узнала, а также для упражненiя, чтобы не быть вамъ скучною.

Старый Воробей сказалъ:

— Это другое дѣло.

И увѣрилъ всѣхъ птицъ, что на Кукушку наклеветали.

Такъ возстановила Кукушка свою честь.

Хорошаго мальчика отпустили папа съ мамой на два часа погулять.

Онъ и пошелъ.

Шелъ, шелъ, зашелъ въ невѣдомую страну.

Видитъ,—стоитъ домъ, въ домѣ сложены дива-дивныя, а у дома сидитъ старая карга.

Онъ съ нею поздоровался по-хорошему: лѣвой ножкой шаркнулъ, правой ручкой шапочку приподнялъ, причесанной головкой поклонился.

Каргѣ эти штуки понравились.

Она ему и говоритъ:

— Иди въ домъ, хорошій мальчикъ, я подарю тебѣ то, что тебѣ приглянется.

Хорошій мальчикъ обрадовался, и пошелъ за каргою. Показала ему карга коверъ-самолетъ. Понравился онъ хорошему мальчику.

— Это, — говоритъ, — хорошо, что онъ самъ летаетъ.

— Да, — сказала карга, — самъ летитъ, выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго.

Тутъ хорошій мальчикъ пріужаснулся, говоритъ:

— Не люблю я такъ высоко заноситься. Мнѣ бы хотѣлось въ Парижъ слетать, на Ротшильда посмотрѣть.

А карга и говоритъ:

— Онъ въ такія близкія мѣста и вниманія не возьметъ безпокоиться. Ужъ онъ не полетитъ ближе, какъ за тридевять земель, въ тридесятое государство, гдѣ Царь-Дѣвица живетъ.

И не захотѣлъ хорошій мальчикъ ковра-самолета.

— Вотъ мнѣ эта красная шапочка больше нравится,— говоритъ.

А карга ему объясняетъ:

— Это шапка-невидимка. Какъ надѣнешь на себя, да задомъ напередъ повернешь, такъ тебя никто и не увидитъ.

И это не понравилось мальчику:

— Я, — говоритъ, — не хочу прятаться. Я,— хорошій мальчикъ, и на меня папа, мама и всѣ знакомые любуются и гостинцевъ даютъ, — такъ мнѣ даже невыгодно такую шапку носить.

— Ну, возьми скатерть-самобранку,— сказала карга. — Какого кушанья ни попросишь, она тебѣ всего сейчасъ сама поставитъ.

Обрадовался хорошій мальчикъ, кричитъ:

— Скатерть-самобранка, раскрывайся, подавай мнѣ двѣ порціи кремъ-брюле.

Зашевелилась скатерть, затряслась, точно отъ смѣха. Да и карга засмѣялась, говоритъ:

— Порціи, хорошій мальчикъ захотѣлъ, такъ на это есть вичка-самодралка, вотъ ужъ она къ тебѣ подбирается.

Испугался хорошій мальчикъ, скорѣе давай Богъ ноги.

Такъ ничего и не выбралъ.

За то домой пришелъ во-время, папа съ мамой его похвалили и дали ему послѣ обѣда двѣ порціи мороженаго.

Путешественникъ камень.

сказочка. 22.

Была въ городѣ мостовая. Колесомъ вышибло изъ нея малый камешекъ. Онъ и думаетъ, что мнѣ съ другими лежать, тамъ тѣсно,—побуду отдѣльно.

Прибѣжалъ мальчишка, и схватилъ камень.

Камень думаетъ: вотъ захотѣлъ да и поѣхалъ,—стоитъ только захотѣть.

Мальчишка швырнулъ камень въ домъ. Камень думаетъ себѣ: — захотѣлъ и полетѣлъ,—очень просто, моя воля!

Попалъ камень въ стекло,—стекло разбилось и закричало:

— Ахъ ты озорникъ этакій!

А камень говоритъ:

— Раньше было сторониться! Я не люблю, чтобы мнѣ мѣшали,—у меня все чтобъ было по моему, вотъ я какой!

Упалъ камень на коверъ и думаетъ: полеталъ, а теперь полежу, отдохну.

Взяли камень да и выбросили на мостовую.

Онъ и кричитъ другимъ камнямъ:

— Братцы, здорово,—былъ я въ хоромахъ, да не полюбилось мнѣ у господъ, захотѣлось въ простой народъ.

Крылья.

сказочка. 23.

Пасла дѣвочка гусей, а сама плакала. Пришла хозяйкина дочь, спросила:

— Чего, дура, ревешь?

Дѣвочка сказала:

— Отчего у меня крыльевъ нѣтъ? Я хочу, чтобы у меня крылья выросли.

Хозяйкина дочь сказала:

— Вотъ дура, — ни у кого нѣтъ крыльевъ,—на что тебѣ крылья?

А дѣвочка отвѣчала:

— Я бы все по небу летала, да во весь бы голосъ пѣсни пѣла.

Хозяйкина дочь сказала:

— Дура, какія у тебя могутъ вырости крылья, коли у тебя отецъ батракъ! Вотъ у меня, пожалуй, вырастутъ.

Облилась водой изъ колодца, и стоитъ

на грядкѣ на солнцѣ, чтобъ крылья лучше росли.

Шла мимо купеческая дочь, спросила:

— Чего стоишь, красна дѣвица?

А хозяйкина дочь говоритъ:

— А крылья рощу, летать хочу.

Купеческая дочь засмѣялась, говоритъ:

— Мужичкѣ, да еще крылья,—не по спинѣ грузъ.

Пришла въ городъ, накупила себѣ масла, намазала спину и вышла на огородъ ростить крылья.

Шла мимо барышня, спросила:

— Что, милая, дѣлаешь?

Купеческая дочь сказала:

— Крылья себѣ рощу, барышня.

— Барышня покраснѣла, разсердилась, — это, говоритъ, не купеческое, а дворянское дѣло.

Пришла домой, облилась молокомъ, стала на огородѣ, ростить себѣ крылья.

Шла мимо царевна, увидѣла барышню на грядкахъ, послала своихъ служанокъ узнать, для чего она стоитъ. Пошли служанки, узнали, приходятъ, говорятъ:

— Молокомъ облилась, крылья роститъ, высоко летать хочетъ.

Царевна усмѣхнулась, и сказала:

— Глупая, — даромъ себя мучитъ, — у простой барышни не могутъ вырости крылья.

Пришла царевна домой, облилась духами, пошла на огородъ, стоитъ, роститъ себѣ крылья.

Прошло сколько-то времени, — всѣ дѣвушки въ той землѣ одна по одной пошли на свои огороды, стоятъ себѣ на грядкахъ, ростятъ себѣ крылья.

Узнала объ этомъ Крылья - мать, прилетѣла, посмотрѣла, видитъ, что ихъ много, да и говоритъ:

— Дать вамъ всѣмъ крылья, такъ вы всѣ летать будете, — а кто станетъ дома сидѣть, кашку варить, дѣтокъ кормить? Дамъ-ка я лучше крылья одной, которой раньше ихъ захотѣлось.

Такъ и выросли крылья у одной батраковой дочери.

Стала она по небу летать, да пѣсни пѣть.

Равенство.

СКАЗОЧКА. 24.

Большая рыба догнала малую, и хотѣла проглотить.

Малая рыба запищала:

— Это несправедливо.

— Я тоже хочу жить. Всѣ рыбы равны передъ закономъ.

Большая рыба отвѣтила:

— Что жъ, я и не спорю, что мы равны. Коли не хочешь, чтобъ я тебя съѣла, такъ ты, пожалуй, глотай меня на здоровье,—глотай, ничего, не сомнѣвайся, я не спорю.

Малая рыбка примѣрилась, туда-сюда, не можетъ проглотить большую рыбу.

Вздохнула, и говоритъ:

— Твоя взяла,—глотай!

Двѣ дѣвочки и песокъ.

Жили были двѣ дѣвочки: знатная и простая.

Знатную звали принцесса Эльза. У нея косы были золотистыя, ручки серебристыя, чулочки шелковые, башмачки атласные.

А простую дѣвочку звали Машка-замарашка. Она ходила въ лохмотьяхъ, руки и ноги у нея были исцарапаныя. Только она веселая была.

Разъ она сидѣла на мокромъ пескѣ и руками изъ него башни лѣпила и хлѣбы стряпала. Шла мимо принцесса Эльза. Машка-замарашка кричитъ ей:

— Садись, поиграемъ.

Принцесса Эльза усмѣхнулась и сказала:

— Знатныя дѣвочки не играютъ мокрымъ простымъ пескомъ. У знатныхъ дѣвочекъ есть сухой золотой песокъ. Знатныя дѣвочки даже и не говорятъ съ босыми дѣвчонками.

Пошла къ себѣ въ садъ принцесса Эльза и стала сыпать золотой песокъ въ золотыя чаши да опрокидывать, но песокъ разсыпался, и башни не выходили. Взяла принцесса Эльза горсть песку, сжала его въ кулакъ, — а песокъ между пальцами вытекъ.

Разсердилась принцесса Эльза, повалилась на землю, и закричала:

— Замарашкинъ песокъ скверный, а мой еще хуже.

Ласковый мальчикъ.

СКАЗОЧКА. 26.

Саша любилъ сладкое.

А мама не давала ему много сладкаго, чтобы у него зубы не испортились.

Онъ и придумалъ такъ выпрашивать, — знаетъ, что у мамы есть конфекты, онъ и примется ее цѣловать да приговаривать:

— Сладенькая ты моя конфетка, гладенькая ты моя конфетка.

Мама разсмѣется, и дастъ Сашѣ конфетку.

Пришелъ рябой дядя съ пряниками. Саша забрался къ нему на колѣни, и приговариваетъ:

— Писанный ты мой пряничекъ, вяземскій ты мой пряничекъ!

А рябой дядя сказалъ:

— Я не люблю попрошаекъ.

И спряталъ пряники въ карманъ.

Бай.

У дѣвочки Манечки была комната, и въ комнатѣ четыре стѣны: бѣлая, голубая, зеленая да красная.

Вечеромъ Манечка не хотѣла спать. Няня сказала:

— Бай-бай-бай! Маню покачай! Бай пришелъ, идетъ по красной стѣнѣ. А Манечка увидѣла и смѣется:

— Старикъ съ бородой, да какой смѣшной!

Бай и ушелъ, а Маня разгулялась. Только поздно. Няня поетъ:

— Приходи, голубчикъ бай, нашу Маню покачай!

Пошелъ бай по зеленой стѣнѣ. Маня увидѣла и говоритъ:

— А старикъ-то опять пришелъ,—бѣлый самъ, и борода бѣлая.

А бай не любитъ, чтобъ на него смотрѣли,—онъ опять ушелъ. Маня шалитъ, няня поетъ:

— Приходи, голубчикъ бай, Маньку-Маню укачай.

Бай по голубой стѣнѣ подходитъ. Маня говоритъ:

— Противный старикъ, опять лѣзетъ,—борода-то длинная, сѣдая.

Бай ушелъ. Маня капризничаетъ, а няня поетъ:

— Милый бай, добрый баюшка-бай, приходи къ намъ, поспѣшай, нашу Маню закачай.

Тутъ пошелъ бай по бѣлой стѣнѣ,—

Маня и заснула.

Леденчикъ.

СКАЗОЧКА. 28.

У дѣвочки былъ леденчикъ въ бумажкѣ.

Сперва было ихъ много, да она съѣла,—одинъ остался.

Вотъ и думаетъ: „съѣсть самой или на бѣдныхъ пожертвовать?“

Думаетъ: „бѣдной дѣвочкѣ отдамъ“.

А потомъ подумала: „лучше буду дѣлиться съ бѣдными пополамъ“. И съѣла полъ-леденца.

А потомъ опять подумала. „со слѣдующихъ леденцовъ начну, а теперь дамъ ей полъ-половинки“,—и съѣла сама полполовинки.

А такъ мало осталось, что уже и не стоило отдавать бѣдной дѣвочкѣ, — дѣвочка и остальное сама съѣла.

Кусочекъ сахару.

СКАЗОЧКА 29.

Жила-была хозяйка. У нея былъ маленькій ключикъ отъ шкапика. Въ шкапикѣ стоялъ маленькій ящикъ. Въ ящикѣ лежалъ малюсенькій кусочекъ сахару.

Жила у хозяйки собаченка. Она была капризная, — вдругъ возьметъ да и затявкаетъ на хозяйку.

А хозяйка возьметъ ключикъ, отворитъ шкапикъ, достанетъ ящикъ и вынетъ кусочекъ сахару. Собаченка и завиляетъ хвостомъ.

А хозяйка скажетъ:

— Тявкала, Каприза Петровна, — вотъ тебѣ и не будетъ и сахару.

И спрячетъ все по-прежнему. Собаченка раскаивается, да поздно.

Быкъ.

сказочка. 30.

У одного мальчика мама была въ свѣтло-синихъ очкахъ, а папа—въ темно-синихъ.

Они на вѣсахъ вѣшали все, что мальчикъ ѣлъ,—и мясо, и молоко,—все вѣшали.

Вотъ разъ папа и говоритъ мамѣ:

— А вѣдь нашъ мальчикъ сегодня перваго быка скушалъ, — завтра за второго примется.

Мальчикъ услышалъ это, заплакалъ, и сказалъ:

— Я не хочу ѣсть быка,—у быка рога.

Веселая дѣвчонка.

СКАЗОЧКА. 31.

Жила такая веселая дѣвчонка,—ей что хочешь сдѣлай, а она смѣется.

Вотъ отняли у нея куклу подруги, а она бѣжитъ за ними, заливается-смѣется и кричитъ:

— Наплевать на нее! Не надо мнѣ ея.

Вотъ мальчишки ее прибили, а она хохочетъ:

— Наплевать! — кричитъ, — гдѣ наше не пропадало!

Говоритъ ей мать:

— Чего, дура, смѣешься,—вотъ возьму вѣникъ.

Дѣвчонка хохочетъ:

— Бери, — говоритъ, — вѣникъ, — вотъ то не заплачу, — наплевать на все!

Веселая такая дѣвчонка!

Сдѣлался лучше.

сказочка. 32.

Много всякихъ мальчиковъ есть на свѣтѣ, хорошихъ и худыхъ.

Вотъ жили-были два мальчика,—хорошій и шалунъ. Пришелъ къ нимъ однажды волшебникъ, дядя Получше. И спросилъ ихъ:

— Хотите быть лучше?

Хорошій мальчикъ сказалъ:

— Хочу быть лучше, милый дядинька,—хорошему вездѣ хорошо.

А шалунъ сказалъ:

— А мнѣ, дядя, не требуется, я и такъ хорошъ. Съ большого-то хорошества какъ бы ротъ зѣваючи не разорвать.

Дядя Получше сказалъ:

— Ну и оставайся шалунъ. А ты, хорошій мальчикъ, ужъ такимъ станешь сладкимъ, что всѣмъ на диво.

И ушелъ. И сдѣлался хорошій мальчикъ такимъ сладкимъ, что изъ него патока потекла. Ужъ ему и не рады были, — куда ни придетъ, вездѣ своей патокой напачкаетъ. И мама сердилась.

— На твои, — говоритъ, — сладости бѣлья не напасешься. Ужъ лучше бы ты въ хулиганы пошелъ.

А хорошему мальчику нравилось патоку изъ себя точить. Такъ онъ и остался. Выросъ, угождаетъ: изъ бумаги фунтики дѣлаетъ, въ фунтики патоку точитъ, нужнымъ людямъ подноситъ.

Сталъ маленькимъ.

сказочка. 33.

Купилъ одинъ человѣкъ землицу и домикъ. Землица — шагнулъ разъ, шагнулъ два—да и въ загородку стукнулся, Домикъ—войти хочешь, нагнись.

Неловко было человѣку.

Сказалъ ему старый воробей:

— А ты бы сталъ поменьше.

А человѣкъ отвѣчаетъ ему очень разсудительно:

— И радъ бы, да какъ станешь меньше, коли съ коломенскую версту выросъ.

— А ты сходи въ аптеку къ нѣмцу,— сказалъ старый воробей,—пошепчись съ

нимъ по секрету, и сунь ему барашка въ бумажкѣ, — онъ тебѣ уменьшительныхъ капель изъ-подъ микроскопа дастъ, ты малюсенькій будешь.

Человѣкъ обрадовался, сдѣлалъ все, какъ велѣлъ ему старый воробей, — и сталъ такимъ маленькимъ, какъ оловянный солдатикъ.

Пріѣхалъ въ свой домикъ, на свою землицу, — и все стало ему впору.

Домъ сталъ большой, большой, — въ каждой каморкѣ можно танцовать кадриль въ семь тысячъ паръ, такъ что человѣкъ разгородилъ свой домикъ, и сталъ сдавать другимъ человѣчкамъ, чтобы получить отъ малаго своего достатка большую себѣ выгоду.

Землица тоже стала громадная такая, что пойдетъ человѣчекъ гулять, кругомъ обойдетъ, — упарится съ устатку. И землицу накрошилъ человѣчекъ, дачки-канурки построилъ, сталъ сдавать, не малыя деньги брать. Деньги беретъ, въ банкъ носитъ, процентъ ему идетъ, богатѣетъ-жирѣетъ человѣчекъ.

Но прилетѣла тутъ большая ворона, ухватила человѣчка за воротъ, потащила

къ себѣ въ гнѣздо, дѣтенышамъ на прокормъ. Спокаялся человѣчекъ, что стараго воробья послушался, да ужъ поздно.

Старый-то воробей, можетъ быть, нарочно все это одно къ одному подвелъ.

Одежды лиліи и капустныя одежки.

СКАЗОЧКА. 34.

Въ саду на куртинѣ росла лилія. Она была бѣлая съ краснымъ, красивая и гордая.

Она тихо говорила пролетавшему надъ нею вѣтру:

— Ты осторожнѣе. Я — царственная лилія, и самъ Соломонъ премудрый не одѣвался такъ пышно и красиво, какъ я.

Неподалеку, въ огородѣ, росла капуста.

Она услышала лилейныя слова, засмѣялась, и сказала:

— Этотъ старый Соломонъ былъ, по моему, просто санкюлотъ. Какъ они одѣвались, эти древніе? Прикроютъ кое-какъ

наготу халатомъ, да и воображаютъ, что вырядились по самой лучшей модѣ.

А вотъ я выучила людей одѣваться, ужъ могу себѣ чести приписать: на голышку-кочерыжку первую покрышку, рубашку, на рубашку стяжку, на стяжку подъ-одежку, на нее застежку, на застежку одежку, на одежку застежку, на застежку пряжку, на пряжку опять рубашку, одежку, застежку, рубашку, пряжку, съ боковъ покрышку, сверху покрышку, снизу покрышку, не видать кочерыжку. Тепло и прилично.

Лампа и спичка.

СКАЗОЧКА. 35.

На столѣ стояла лампа.

Съ нея сняли стекло; лампа увидѣла спичку и сказала:

— Ты малютка, подальше, я опасна, я сейчасъ загорюсь. Я зажигаюсь каждый вечеръ,—вѣдь безъ меня нельзя работать по вечерамъ.

— Каждый вечеръ!—сказала спичка,—зажигаться каждый вечеръ,—это ужасно!

— Почему же?—спросила лампа.

— Но вѣдь любить можно только однажды!—сказала спичка, вспыхнула,—и умерла.

Золотой колъ.

СКАЗОЧКА. 36.

Мальчикъ Вова разсердился на папу. Говоритъ Вова нянѣ:

— Какъ только выросту, поступлю въ генералы, приду къ папиному дому съ пушкой, папу въ плѣнъ возьму и на колъ посажу.

А папа тутъ какъ тутъ, и говоритъ:

— Ахъ ты, злой мальчикъ! Какъ же это ты папу на колъ хочешь посадить? Вѣдь папѣ больно будетъ.

Вова испугался, да и говоритъ:

— Такъ вѣдь это, папа, будетъ колъ золотой, и съ надписью: за храбрость.

Злая гадина, солнце и труба.

Забралась въ домъ злая гадина, людей покусала и повыгнала, углы запакостила и осталась жить: понравилось ей въ домѣ.

Люди плакали, да ничего не могли сдѣлать.

Сказало имъ солнце:

— Я вамъ помогу. Злая гадина боится свѣта.

И послало въ окна дома свои лучи. Злая гадина зашипѣла, закрыла всѣ окна черными ставнями, и уже ни одинъ солнечный лучъ не могъ войти въ домъ. А которые попали, тѣ умерли.

Тогда сказала труба:

— Солнце не помогло, дай-ка я попытаюсь помочь. Злая гадина любитъ тишину, и не выноситъ звука.

И труба затрубила во всю мочь.

Сквозь черные ставни, сквозь толстыя стѣны пробились трубные звуки.

Зашипѣла злая гадина, уползла.

Люди вошли въ домъ.

Только долго еще оставался въ домѣ скверный духъ отъ злой гадины.

Пожелтѣвшій березовый листъ, капля и нижнее небо.

Капля упала съ неба прямо на березовый листъ. Это была испуганная и дрожащая капля,—и березовый листъ пожалѣлъ ее.

— Отчего ты дрожишь?—спросилъ онъ

— Я совсѣмъ не того ожидала,—сказала капля,—мнѣ сказали, что и внизу такое же небо, какъ наверху.

— Здѣсь нѣтъ никакого неба, да никогда и не было,—отвѣтилъ березовый листъ.—Небо всегда бываетъ наверху, а внизу земля, камни и наши корни.

— Мнѣ страшно,—сказала капля,—я ошиблась.

— Ничего, не бойся,—утѣшалъ ее березовый листъ.—Будемъ жить вмѣстѣ, ужъ я не дамъ тебя въ обиду.

Капля приникла къ березовому листу. Уже они готовы были сочетаться навѣки. Но вдругъ капля услышала шумъ листьевъ и вся радостно задрожала.

— Послушай,—сказала она,—вонъ тамъ внизу я слышу, какъ листья колышатся и шепчутъ: нижнее небо, нижнее небо.

— Какія глупости,—съ досадой сказалъ березовый листъ,—я же тебѣ говорю, что никакого нѣтъ нижняго неба.

Но капля сорвалась, и упала внизъ, а листъ пожелтѣлъ съ горя: онъ успѣлъ влюбиться въ каплю.

Небесные сплетники.

СКАЗОЧКА. 39.

Солнце, луна и звѣзды круглыя сутки подглядывали, что дѣлаетъ человѣкъ и все разсказывали Великому Господину Высотъ,—а онъ людей за все наказывалъ.

Было это въ той странѣ, гдѣ живутъ краснокожіе.

И вотъ пошелъ красный мальчикъ въ горы.

Шелъ долго. Пришелъ къ Великому Господину. Говоритъ:

— Охота слушать тебѣ всѣхъ этихъ сплетниковъ, что шляются по небу. И тебѣ безпокойство, да и намъ ужъ очень круто.

Засмѣялся Великій Господинъ Высотъ и создалъ тучи.

Полегче стало людямъ: не все видятъ небесные соглядатаи, не о всемъ сплетничаютъ Великому Господину Высотъ.

Хрычъ да хрычевка.

СКАЗОЧКА. 40.

Жили-были хрычъ да хрычевка.

Жилъ хрычъ пятьсотъ лѣтъ, хрычевка—четыреста.

Получалъ хрычъ большую пенсію, и отдавалъ ее хрычевкѣ на расходы.

Хрычъ носилъ фуфайку на тѣлѣ, хрычевка чернила волосы фиксатуаромъ.

Хрычъ нюхалъ табачекъ и ходилъ въ баню париться,—хрычевка ѣла конфетки и ходила въ русскую оперу.

Пошелъ разъ хрычъ въ баню, парился, парился, запарился, умеръ на полкѣ.

Пошла хрычевка въ оперу, вызывала

пѣвца, кричала, кричала, закричалась, умерла на галеркѣ.

Схоронили хрыча да хрычевку.

Тужить не о чемъ: будутъ хрычи, будутъ и хрычевки.

Оглавленіе.

Ѳ. СОЛОГУБЪ.

Стихи. Книга I. СПБ. 1896.

Тѣни. Разсказы и вторая книга стиховъ СПБ. 1896.

Тяжелые сны. Романъ. СПБ. 1896.

Собраніе стиховъ. Книга III и IV. Москва. К-во «Скорпіонъ». 1904.

Жало смерти. Разсказы. Москва К-во «Скорпіонъ». 1904.

ВСѢ СПОРНЫЕ И НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

въ области тайнъ и загадокъ природы, науки и жизни.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, романы, стихотворенія и новеллы соотвѣтствующіе направленію журнала.

За прошлые года въ журналѣ въ числѣ прочихъ статей были напечатаны: проф. **Ф. Майерса** *„О послѣсмертномъ существованіи“* и *„Прижизненные призраки“*, проф. **А. Бутлерова**—*„Статьи по медіумизму“*, **А. Аксакова**—*„Анимизмъ и спиритизмъ“*, проф. **Н. Вагнера**—*„Фотографія невидимой руки“*, **А. Дассье**—*„Позитивизмъ въ области спиритуализма“*, **А. Шопенгауера**—*„О духовидѣніи“*, д-ра **Дю-Преля**—*„Душа какъ организующее начало“*, **М. Сабуровой**—*„Смерть только метаморфоза“*, проф. **Шарко**—*„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“*, д-ра **Охоровича** — *„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“*, **А. Уоллеса** — *„Духовный дарвинизмъ“*, проф. **В. Крукса** — *„Объ относительности человѣческихъ знаній“*, **П. Чистякова** — *„Исторія волшебства и суевѣрій“*, затѣмъ **отчеты Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдованій** и др.

Подписка принимается въ **Москвѣ**: въ редакціи — Смоленскій бульваръ, домъ Мишке, кв. № 8, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Отъ новой редакціи журнала „РЕБУСЪ“.

Съ живою и глубокой вѣрой въ необходимость и важность своей задачи, приступаетъ новая Редакція къ продолженію 24-го года изданія журнала «РЕБУСЪ».

Какъ видно изъ прилагаемаго на оборотѣ объявленія, на страницахъ «РЕБУСА» главное мѣсто отводилось (и будетъ отводиться) обзору мало изслѣдованныхъ и недостаточно изученныхъ явленій въ области психизма, каковы: **животный магнетизмъ, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, телепатія, одержаніе, чтеніе мыслей, медіумизмъ, спиритизмъ** и т. п. загадочныя и темныя проявленія человѣческой природы.

Все такія явленія съ особымъ вниманіемъ и серіозностью отмѣчаются журналомъ, ибо въ нихъ заложено яркое и властное напоминаніе того, что **„не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ“**; въ нихъ же,—въ этихъ явленіяхъ, заложено указаніе на духовную природу человѣческой личности и на безсмертіе этой послѣдней.

Перечисленныя явленія, и подобныя имъ, будутъ разсматриваться Редакціею не съ одной только спиритуалистической точки зрѣнія, — но также и съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ воззрѣній и теорій; при чемъ, помимо сверхъ-нормальныхъ явленій въ области психизма, Редакція будетъ давать обзоры всякихъ таинственныхъ и загадочныхъ явленій въ области природы, науки и жизни.

„Время приближается и стоитъ у дверей!“—бывшіе блескъ и обаяніе позитивной науки померкли, и сама она стоитъ нынѣ въ смущеніи и недоумѣніи передъ великою тайною Духа, призракъ которой сама же наука вызвала изъ сокровенныхъ нѣдръ Природы и Жизни! Голосъ Жизни, голосъ Духа властно звучитъ во мглѣ недоумѣній современной науки.

Руководимые голосомъ Духа, мы съ вѣрою вступаемъ въ эту мглу, и изъ недоумѣній и смущеній

науки постараемся почерпнуть новыя ободренія и новыя подтвержденія бытія Духа и безсмертія человѣческой личности.

Приглашая къ подпискѣ на нашъ журналъ тѣхъ лицъ, которыя сочувствуютъ его направленію, считаемъ долгомъ увѣдомить, что Редакція не руководится никакими коммерческими соображеніями о выгодности или невыгодности изданія; вся чистая прибыль отъ изданія будетъ употребляться исключительно на улучшеніе журнала, на бо̀льшее его распространеніе и на привлеченіе къ сотрудничеству солидныхъ научныхъ силъ въ области психизма.

Исходя изъ этихъ соображеній, Редакція не считаетъ возможнымъ употреблять обычные пріемы для привлеченія подписки, и обѣщаетъ заботиться не о преміяхъ къ журналу, а о возможно лучшемъ веденіи его, и о томъ, что бы поставить журналъ на высоту, **соотвѣтствующую важности и значенію великихъ вопросовъ о бытіи духа и о безсмертіи души.**

Ц. 80 коп.